

Матрона Вэнь нахмурилась и зловеще усмехнулась:

— Мне все равно, кто он такой. Разве он может вмешиваться в дела чужой семьи? Ты непочтителен, и даже если бы пришел сам император, ты все равно был бы непочтителен.

Шэнь Нянь спокойно ответил:

— Другие не могут вмешиваться, но он может.

С этими словами он сложил руки в приветствии в сторону дворца и произнес:

— Но вы правы, этот человек — сам император. Матрона Вэнь, император изрек, что наш дом маркиза совершенно не соблюдает правила, и велел мне навести порядок. Лучше подумайте, как справиться с гневом императора и сплетнями, которые теперь пойдут о нашем доме в столице.

Сказав это, он даже не взглянул на матрону Вэнь и повернулся, чтобы уйти.

Вэнь была ошеломлена словами «император». Видя, что Шэнь Нянь уходит, она в панике закричала, чтобы он остановился.

Шэнь Нянь на мгновение замер, но не обернулся, тихо произнеся:

— Раз император повелел мне навести порядок в доме, я, боюсь, не смогу выполнить вашу просьбу.

Ци Цзюньму вышел из дворца, чтобы показать Шэнь Няню свои намерения и проверить его реакцию. Что касается того, как Шэнь Нянь разберется с семейными делами, его это не волновало.

Он дал Шэнь Няню лицо, а что тот будет делать дальше — его дело.

Ци Цзюньму хотел только одного — чтобы Шэнь Нянь стал его орудием. Если Шэнь Нянь согласится, все будет хорошо. Если нет, то ничего страшного, он найдет другого.

Просто Ци Цзюньму нравился ум Шэнь Няня и его скрытая безумная натура. Другой человек вряд ли смог бы достичь такого же эффекта. К тому же все знали, что стоять перед императором и направлять меч на других — не самая легкая задача.

Такие люди обычно занимают высокие посты, получают бесконечную милость, но при этом подвергаются большому риску. Их используют императоры, им льстят другие, а если не льстят, то строят козни. Они становятся мишенью для всех, и в конце концов редко получают хороший финал.

Ци Цзюньму не был привязан к Шэнь Няню. Он не раскрыл свою личность сразу, чтобы дать Шэнь Няню время подумать. Но как только это время истечет, независимо от того, что думает Шэнь Нянь, он поставит его в сложное положение.

Привлечет ли он волка или собаку — станет ясно позже.

Император был уверен, что Шэнь Нянь согласится. Мужчины стремятся к славе и достижениям, и он не верил, что Шэнь Нянь совсем не думает о северных рубежах. Шэнь Нянь прожил там более десяти лет, защищая народ, и все его шрамы были получены там.

Северные рубежи можно назвать родиной Шэнь Няня в его сердце.

Если бы не необходимость, Шэнь Нянь, вероятно, с радостью вернулся бы туда, чтобы охранять границу, а не покинул бы столицу, оставив все позади, и исчез неизвестно где.

Думая об этом, Ци Цзюньму был в прекрасном настроении. Такой характер, как у Шэнь Няня, может казаться другим неприемлемым, но он ему нравился. В прошлой жизни он хотел получить от Шэнь Няня только военную власть, но не принуждал его к чему-то еще. Конечно, он давал ему доверие, но и осторожность тоже присутствовала.

Именно из-за этого, а также из-за семейных проблем, Шэнь Нянь в конечном итоге покинул столицу.

Однако хорошее настроение Ци Цзюньму исчезло, как только он достиг улицы Алой Птицы. Улица Алой Птицы была еще далека от дворца, и они столкнулись с императорской гвардией, которая искала его.

Гвардия разделилась на две группы, двигавшиеся четко раздельно. Одну возглавлял Ци Цзюньчжо, с ним была небольшая группа людей, все были в простой одежде, но, видимо, переодевались в спешке, и у некоторых одежда сидела не очень хорошо.

Другую группу возглавлял командующий левым крылом гвардии Ян Цзинлэй. С ним было несколько отрядов, одетых в полную форму гвардии, все ехали на высоких конях, выглядели величественно и внушительно.

Ци Цзюньчжо и Ян Цзинлэй, увидев Жуань Цзицина, облегченно вздохнули и подъехали к нему. Ян Цзинлэй опередил Ци Цзюньчжо и первым спросил:

— Евнух Жуань, император здесь?

Жуань Цзицин поспешно ответил:

— Император внутри.

Ци Цзюньчжо и Ян Цзинлэй спешили и поклонились императору. Ци Цзюньму был не в настроении и даже не приоткрыл занавеску кареты, холодно произнеся:

— Возвращаемся во дворец.

Карета двигалась медленно. Ци Цзюньму приказал Ху Цзэ и его людям расчистить путь, а сам вызвал Ци Цзюньчжо к карете и спросил:

— Что происходит?

Ци Цзюньчжо, сидя на лошади, наклонился и тихо ответил:

— Когда я выходил из дворца, я встретил гвардейца, охранявшего ворота У. Он выглядел встревоженным, и я спросил, в чем дело. Он сказал, что, возможно, вы вышли из дворца без охраны. Я испугался и взял с собой его отряд, чтобы найти вас. Командующий левым крылом гвардии действует по приказу вдовствующей императрицы. Ваше Величество, выходить из дворца без охраны слишком опасно. Вы напугали вдовствующую императрицу и левого канцлера.

Ци Цзюньму проигнорировал это и спросил:

— Из какого отряда был тот гвардеец, которого ты встретил?

Он задал этот вопрос не случайно. Императорская гвардия находилась под непосредственным контролем императора.

Большая часть гвардии была расквартирована недалеко от столицы, на горе Бэйшань, и называлась гвардией Северной горы. Там находилось 50 000 солдат, которыми командовал командующий гвардией, но также был назначен генерал, чтобы контролировать командующего.

Если бы кто-то попытался устроить переворот, император мог бы приказать доставить воинскую бирку и императорский указ, чтобы вызвать гвардию Северной горы в столицу для поддержки.

Что касается гвардии, охранявшей дворец, то она постоянно патрулировала и проверяла территорию, находясь рядом с императором.

Дворец был расположен с севера на юг, и гвардия была разделена на четыре отряда, охранявшие восточные, западные, южные и северные ворота дворца, под командованием командующего гвардией. Те, кто мог появляться перед императором, были отобраны из этих четырех отрядов и назывались императорскими телохранителями.

Кроме того, в столице была еще одна часть войск, охранявшая территории за пределами дворца, под управлением столичного градоначальника.

Ци Цзюньчжо, естественно, ответил на вопрос императора полностью. К тому же, если бы император захотел, он мог бы просто запросить список гвардейцев, охранявших ворота У, и все бы сразу стало ясно. Поэтому он сказал:

— Это был гвардеец Ху Цзэ из северного отряда.

Ци Цзюньму слегка приподнял веки:

— Вдовствующая императрица и левый канцлер узнали от него?

Ци Цзюньчжо ответил:

— Нет, после того как он встретил меня, я остановил это. Вдовствующая императрица и левый канцлер, вероятно, узнали от другого гвардейца. По словам Ху Цзэ, сегодня с ним на воротах дежурил Ван Цзюнь из южного отряда.

Ци Цзюньму кивнул и больше ничего не сказал.

Вернувшись во дворец, Ци Цзюньму приказал наказать Ху Цзэ и Ван Цзюня двадцатью ударами палки за разглашение местонахождения императора и пренебрежение его безопасностью.

Затем, не переодеваясь, он сразу отправился к вдовствующей императрице.

Настроение вдовствующей императрицы было плохим, и если бы он задержался еще, она бы разозлилась.

Даже несмотря на то, что Ци Цзюньму прибыл к вдовствующей императрице как можно быстрее, ее лицо было мрачным.

После того как Линь Сяо поклонился императору, вдовствующая императрица не смогла сдержать гнева:

— Ваше Величество, вы — император Великой Ци. Посмотрите на себя: как вы выглядите, что вы делаете? Разве это похоже на императора?

Лицо Ци Цзюньму мгновенно потемнело. По какой-то причине эти слова прозвучали для него очень резко.

Линь Сяо, увидев его выражение, понял, что все плохо. Между матерью и сыном, вероятно, возникнет разлад. Он поспешно обратился к вдовствующей императрице:

— Пожалуйста, успокойтесь, ваше величество. После смерти покойного императора и вашего восшествия на престол, вы, должно быть, переживали трудные времена. Этот выход из дворца был просто попыткой отвлечься. Я знаю, что вы заботитесь о безопасности императора, и он это понимает.

Если бы все было как раньше, Ци Цзюньму, вероятно, последовал бы словам Линь Сяо, извинился бы перед вдовствующей императрицей, поблагодарил бы за заботу и пообещал бы больше не делать ничего, что могло бы вызвать ее беспокойство.

Но сейчас ему было неприятно, и он не хотел разыгрывать эту сцену материнской любви и сыновней почтительности.

Он стоял прямо и спокойно ответил:

— Да.

Этот ответ удивил Линь Сяо и еще больше удивил вдовствующую императрицу. Линь Сяо, как подданный, не мог выражать слишком много эмоций на лице. Вдовствующая императрица была поражена на мгновение, а затем ее лицо исказилось от гнева.

Она крепко сжала ручки кресла и произнесла:

— Император вырос и имеет собственное мнение. Меня раздражает, что вы не слушаете моих слов и не принимаете их близко к сердцу.

Ее голос был спокоен, но все чувствовали гнев, скрытый под этой спокойной поверхностью. Все слуги и евнухи вокруг опустили головы, не смея издать ни звука.

Вдовствующая императрица с холодной усмешкой отвела взгляд от лица Ци Цзюньму и посмотрела на Жуань Цзицина.

Император был не тем, на ком она могла вымещать свой гнев, даже если это был ее сын. Но Жуань Цзицин был другой историей — ведь это он сопровождал императора в одиночку.